

СОДЕРЖАНИЕ

Глава десятая, в которой мы продолжаем падать	56
Глава одиннадцатая, в которой Журавская заявляется ко мне в гости	58
Глава двенадцатая, в которой я пытаюсь поднять неандертальский топор	64
Глава тринадцатая, в которой мы вплотную знакомимся с технологиями неандертальцев	68
Глава четырнадцатая, в которой Журавская встречает знакомого из интернета	71
Глава пятнадцатая, в которой я совершаю преступление против науки будущего	75
Глава шестнадцатая, в которой мы разглядываем дедову аватарку	78
Глава семнадцатая, в которой Журавская заявляет протест против математики	84
Глава восемнадцатая, в которой Журавская ищет аргументы в колыбели человечества	86
Глава девятнадцатая, важная, но короткая, в которой мы переписываемся ночью	92

Глава двадцатая, в которой опять появляется полиция	94
Глава двадцать первая, в которой мы гадаем, что нас ждёт впереди (или позади) . . .	96
Глава двадцать вторая, в которой Оля спасает вымершего слонёнка	101
Глава двадцать третья, в которой мы падаем духом, а я хожу по музею босиком . .	106
Глава двадцать четвёртая, в которой я бегаю в розовых кроссовках со стразами	108
Глава двадцать пятая, в которой все как один переживают озарения	111
Глава двадцать шестая, в которой мы пускаемся в бега	114
Глава двадцать седьмая, в которой мы узнаём об островной карликовости и об охоте на гигантских крыс	117
Глава двадцать восьмая, в которой Семён клянётся никогда не заводить детей	120
Глава двадцать девятая, в которой я остаюсь без копыта	123
Глава тридцатая, в которой Антонина Ивановна предвкушает пенсию, полную опасностей	129

ГЛАВА № 0

В КОТОРОЙ НАШ КЛАСС НАВЕЩАЕТ ПОЛИЦИЯ

Сегодня вместо урока русского языка у нас была беседа с полицией. Беседа происходила в торжественной обстановке — в присутствии завуча, школьного психолога и двух членов родительского комитета.

Вопросы нам задавала психолог Полина Юрьевна. Полицейские помалкивали, чтобы случайно не нанести детям психологическую травму.

«Да наш 6 “А” не травмируешь даже прямым попаданием астероида! — думал я. — Особенно некоторых!» Под некоторыми я, конечно, имел в виду неадекватную Журавскую.

А Полина Юрьевна говорила следующее:

— Ребята. (Улыбка.) Сегодня к нам в школу пришли полицейские. (Ещё одна тёплая улыбка.) Полиция разбирается с недоразумением, которое произошло с Антониной Ивановной.

Я в очередной раз удивился тому, как взрослые выбирают слова. Недоразумение! Вообще-то наша учительница математики Антонина Ивановна бесследно пропала во время экскурсии по музею. И не просто пропала, а зачем-то прихватила с собой доисторический каменный топор. Бесценный

экспонат, если верить отчаянным воплям директора музея. Я бы не назвал это недоразумением.

С тех пор прошло три дня. Домой Антонина Ивановна не вернулась. И на работе больше не появлялась. Нет, я могу допустить, что она просто сбежала. Я бы и сам отсюда с радостью сбежал. Я допускаю, что АИ (как мы зовём её между собой) решила начать новую жизнь, не дожидаясь пенсии. Но не с каменным же топором.

— Полицейские, — сказала Полина Юрьевна добрым голосом, — будут благодарны, если вы расскажете всё, что видели в момент исчезновения Антонины Ивановны.

В момент исчезновения никто ничего не видел, так как в музее вырубил электричество. Но б «А» начал позориться, выкрикивая самые дикие версии происшедшего:

— А что, если Антонина Ивановна — на самом деле расхитительница гробниц? (Версия Н. Максимова.)

— Я думаю, её украли инопланетяне! (Блестящая версия Л. Кузьминой.)

— А я всегда чувствовала, что с Антониной Ивановной что-то не то! Хорошо ещё, она этим топором никого из нас не уколошила! (Подозрения Ю. Сергейчевой.)

Потом все заорали, перебивая друг друга:

— Да она агент разведки под прикрытием!

— Да нет, АИ, типа, это — сошла с ума! Вы эти, как их, психические клиники проверили?

— А может, она на даче! Надо на дачу к ней съездить!

— А зачем ей на даче каменный топор?

— Мало ли, грядки копать! (Это умный Вова Красновидов: забыл, что сейчас зима.)

Я с сочувствием смотрел на полицейских. Тяжёлая работа у людей. Стой и выслушивай потоки бреда. А нашим что — им лишь бы не учиться. Притом что тема по русскому очень интересная — повторяем однородные члены предложения.

Тут я заметил, что один полицейский уставился на меня. Смотрел-смотрел, а потом что-то зашептал на ухо Полине Юрьевне.

— Тишина в классе, — ласково сказала Полина Юрьевна, и все заткнулись, потому что — ну, не первый год мы её знаем.

— Миша, — продолжила она, — нам интересно узнать твоё мнение. Куда делась Антонина Ивановна?

Я встал. Все вытаращились на меня.

— Внезапное сумасшествие АИ ещё менее вероятно, чем инопланетяне, — сказал я. — Дачу наверняка уже проверили. Мужа АИ тоже, думаю, сто раз допросили. И выяснили, что он ни при чём. У меня нет ни одной разумной гипотезы.

Полицейский опять забубнил на ухо Полине Юрьевне.

— А где ты был, когда пропала Антонина Ивановна?

— Я?

— Да, ты.

— Я был вместе со всеми, — соврал я, потому что правда ничего не меняла. А лишнее внимание привлекать к себе не хотелось.

— Враньё! — заорала Кузьмина. — Садовский, ты уже потом в зал вбежал! Когда свет включился! АИ к тому моменту уже пропала!

Ты б на математике такая внимательная была, подумал я, а вслух сказал:

— А. Да. Я в туалет выходил. И когда вернулся, АИ уже не было. (И вот это уже чистая правда.)

— И Журавская в это время в туалете была, ну какое совпадение! — не унималась Кузьмина. — Вы только подумайте!

Все (кроме меня) обернулись на Журавскую. Она встала. Повисла пауза. Тут уж оглянулся и я. Журавская стояла с дурацкой ухмылкой на лице. Я понял, что сейчас она сморозит какую-нибудь глупость.

— Вы меня раскусили, — печально сказала Журавская и подняла на полицейских бессовестные глаза. — Это я похитила Антонину Ивановну.

В классе недоверчиво засмеялись. Потому что с Журавской вообще-то станется.

— Понимаете... я хотела подтянуть математику, — продолжала странная девочка. — Теперь Антонина Ивановна живёт у меня в шкафу. Питается цветными карандашами.

б «А» с облегчением выдохнул: врёт. Где Журавская, а где математика.

— Ольга, — строго сказала Полина Юрьевна.

— Ну ладно. Я влюблена в Мику Садовского и ждала его под дверью мужского туалета, — немного подумав, сообщила Журавская, а я сказал:

— Я тебе не Мика.

В классе радостно заржали. Слово «туалет» всё ещё находит отклик в сердцах моих одноклассников. Непритязательные люди!

— Понятно, — заговорил внезапно полицейский. — Спасибо.

Полина Юрьевна развела руками и переглянулась с завучем.

— Боюсь, мы вам не слишком помогли, — сказала она. — Дети шокированы происшедшим...

— Да. Мы заметили. Ну что же. Спасибо. Если дети. Что-то вспомнят. Свяжитесь с нами, — отчеканил второй полицейский.

Уходя, он ещё раз внимательно посмотрел на меня. Я придал своему лицу максимально бестолковое выражение (скопировал у Журавской). Полицейский хмыкнул и вышел из класса.

А неприятности продолжались.

ГЛАВА №1

В КОТОРОЙ Я РАСКЛАДЫВАЮ ПО ПОЛОЧКАМ
ВСЁ, ЧТО МНЕ ИЗВЕСТНО

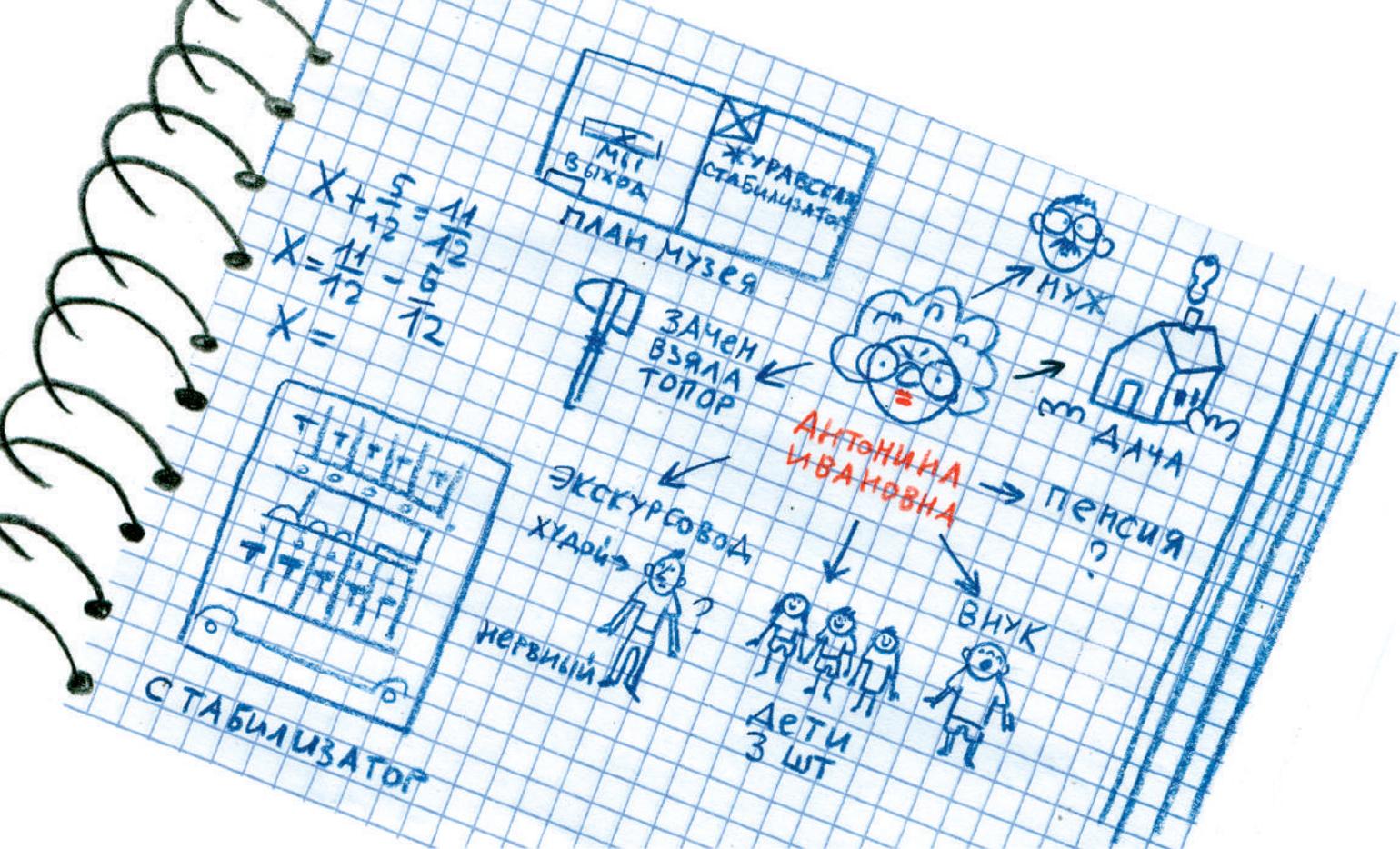
Мои одноклассники всю переменную предвкушали, что нас отпустят с последнего урока. Ведь мы пережили тяжёлое потрясение! Но не тут-то было.

На математике Антонину Ивановну заменяла завуч. Она раздала нам кучу заданий для самостоятельной работы. После пяти минут стонов (детских) и угроз (со стороны завуча) в классе наконец-то стало тихо.

Задания были простые. Я решал примеры с дробями, а на отдельном листочке составлял mind map — ментальную карту. С её помощью я анализировал всё, что мне известно об исчезновении учительницы. И приходил к выводам, которые мне не нравились.

Итак. Антонина Ивановна. Учительница математики, наш классный руководитель. Замужем. Трое взрослых детей. Один внук. Дача. В этом году собиралась выходить на пенсию. Относилась к нам неплохо, хотя задавать могла бы и побольше. Я постоянно выпрашивал у неё олимпиадные задачи.

Антонина Ивановна вела нас с пятого класса. Вы — моя лебединая песня. (Её слова.) Шестой класс закончим — и всё, свобода! (Тоже её слова.) Неужели АИ сбежала на волю за пять месяцев до почётной пенсии?

Может, поход в музей антропологии стал последней каплей и АИ всё же сошла с ума? Но на этой экскурсии мы вели себя как всегда. Я — нормально. Одноклассники — кто во что горазд, но не хуже, чем обычно.

С экскурсоводом, правда, не повезло: молодой парень, а с головой уже не очень. Нервный, худой, постоянно раздражался. И к древним людям у него что-то личное. С каким чувством он описывал жизнь австралопитека Люси! Видно, что любит её как родную.

Бедняга, он аж подпрыгнул, когда Журавская по обыкновению брякнула какую-то ерунду. А, да! Она всю экскурсию протупила в телефон, а потом внезапно спросила: а почему обезьяны не превращаются в людей прямо в зоопарке?

Экскурсовод трагически вздохнул и начал объяснять заново: шестьдесят миллионов лет назад на Землю упал метеорит...

Я давно заметил, даже взрослых людей большие цифры укачивают. А Журавская от цифр за пределами сотни аннигилирует — и умственно, и физически. Услыхав про шестьдесят миллионов лет, она буквально растворилась в воздухе.

Мы переместились в следующий зал — как раз к каменным орудиям. И вот тогда Антонина Ивановна шепнула мне, чтоб я нашёл и привёл Журавскую. Опять я! Почему не Красновидов? Он всё равно не слушает, а разглядывает свои грязные ладони. Словно в них зашифровано тайное послание. «Вова, мой руки!» — вот что там зашифровано!

Так. Вот тут — внимательно. Класс остался в зале с копьями и прочими рубилами. Я отправился ловить Журавскую. Сначала покричал под дверь женского туалета. Оттуда вышла уборщица и сказала, что никакой Журавской там нет. Кто бы сомневался.

Я пошёл осматривать залы музея. Думал, что могло бы заинтересовать самую неадекватную девочку класса. Древняя посуда? Вряд ли. Украшения? Маловероятно. Оружие? Нет. Скелеты? Мумии? Скорее всего.

Я шёл по музею и мечтал о том, что пять лет мучения под названием «школа» наконец закончатся. Я поступлю в университет и смогу общаться с нормальными людьми. С людьми, которые любят науку. Математику. Физику. Астрономию. Космос.

Тут я заметил небольшой коридорчик, уходивший влево. Решил проверить, что там. Там была дверь, явно служебная. На ней было написано: «Входа нет». И ещё: «Вход только для персонала». И для верности: «Не влезай — убьёт».

Естественно, я эту дверь открыл. Не потому, что я люблю нарушать правила. А потому что правила всегда нарушает Журавская.

И точно: в небольшом чуланчике стояла Журавская и со счастливым видом нажимала на кнопки какого-то трансформатора. Щёлк! — и стоит любуется, как лампочки мигают. Щёлк! Щёлк!

— Ты что творишь! — заорал я, и тут из трансформатора полетели искры.

— Ой, Садовский... — сказала неумная девочка, а в глубине чулана что-то сверкнуло, как молния. И сразу запахло горелыми проводами.

Немедленно погас свет. Трансформатор запрыгал по комнате, рассыпая праздничные искры. Завыла пожарная сигнализация. И что вы думаете? Журавская невозмутимо сказала:

— Ой. Ну я сейчас всё починю! — и полезла своими руками к мигающим кнопкам.

— Да уйди ты отсюда! — рявкнул я. — Дай я его отключу.

Щёлк! — нет, не вышло, это не та кнопка! А! Вот он — электрический рубильник! И надпись «вкл-выкл». Выкл! Я дёрнул

рукоятку рубильника, и кнопки потухли. А всё остальное продолжилось: сигнализация визжала, издалека слышались вопли нашего класса, света не было.

— Довольна? — обернулся я к Журавской.

И по её глазам понял, что да. Какой кошмар.

ГЛАВА №2

В КОТОРОЙ НА МЕНЯ БРОСАЕТСЯ БЕШЕНЫЙ ЭКСКУРСОВОД

Вернувшись в зал, мы застали следующую картину. Б «А» орал и визжал. В полном восторге. Экскурсия удалась! Освещение то включалось, то выключалось. Родители гнали всех к пожарному выходу. Экскурсовод стоял возле разбитой витрины, разинув рот и выпучив глаза. Видимо, шоковая реакция.

А дыра в витрине — интересно, обратила ли полиция внимание на этот примечательный факт — была в форме нашей учительницы математики, Антонины Ивановны.

Я тогда мимоходом подумал, что АИ впечатало в витрину с топорами взрывной волной. Но взрыва-то не было! Что же произошло?!

— А где АИ? — спросила вдруг Журавская.

Но тут мама Максимова схватила нас за руки и поволокла на улицу. С виду хрупкая женщина оказалась сильной, как гризли. Следом за нами она вытащила экскурсовода. Его выпученные глаза начинали меня пугать.

А потом из музея выскочил директор. Он тут же начал метаться по двору и куда-то названивать. Сначала директор

переживал из-за сигнализации и угрозы пожара, а потом и из-за пропавшего каменного топора.

Вскоре мы погрузились в автобус и отправились по домам. В автобусе все строили догадки о том, куда делась АИ. Решили, что она случайно разбила витрину (всей собой?) и уехала в больницу, никого почему-то не предупредив. Правда, как она выходила из зала — никто не видел. Но всех (кроме меня) эта версия устроила.

Вечером у моей мамы начал пищать родительский чат. Обычно она отключает чат после первого же сообщения. Но в этот раз мама прямо-таки погрузилась в увлекательную переписку. Я спросил:

— Всё нормально?

— Ну конечно, — ответила она, и я понял, что это сто процентов не так. В родительском чате никогда не бывает всё нормально.

Я сказал:

— Мама, дети — прочные, они не боятся правды. Детей травмирует недоговорённость. Ты же прочла последнюю книгу Петрановской?

Мама вздохнула и посмотрела на меня с таким укором, словно это я — мама, у которой нет времени на книги о воспитании ребёнка. Мы помолчали. Я продолжил:

— Что, нигде не могут найти Антонину Ивановну?

— Ты знаешь, Миша, — ответила мама, не отрываясь от чата, — я иногда не понимаю, как у меня, простого хирурга, родился такой... м-м... необычный мальчик. АИ найдётся, ложись спать. Всё будет хорошо.

Я покачал головой. А спустя три дня к нам в школу пришла полиция. Это означало, что все мало-мальски разумные версии они проверили. И ничего не нашли.

Тут зазвенел звонок с урока. Народ рванул из класса, словно за спиной пылал пожар.

У школы толпились родители. Встречали даже тех, кого раньше не встречали. Логика родителей: сначала учительница пропала, а там и дети начнут пропадать. Те, кого не разбирали, тоже начали расходиться по домам.

Человек десять моих одноклассников сгрудилось у школьных ворот. Я испугался, что они ждут меня. Иногда такое случается, и тогда я всю дорогу слушаю бесконечно скучные разговоры о компьютерных играх. Демонстрирую заинтересованность (неискреннюю). Мама называет это прокачкой социальных навыков.

Пройти незамеченным не удалось. На меня набросились Кузьмина (встревоженная) и Журавская (оживлённая).

— Садовский, Садовский, там какой-то псих! Вон, видишь, видишь?! В капюшоне! На нас тарачится!

— Мы десять минут стоим — и он стоит! И смотрит, смотрит!

— Как домой-то идти? Может, полицию вызвать?

— Садовский, позвони в полицию, а?

— Или сами на него набросимся и повалим! — Это, конечно, Журавская.

Тут высокий худой псих, приплясывающий на холоде, откинул капюшон. И я узнал экскурсовода из музея антропологии. Экскурсовод полез за пазуху.

— Пистолет! — ахнула Кузьмина, но он достал футляр для очков.

Дальше мы наблюдали, как он снял с носа одни очки. Вытащил из очечника вторую пару. Уронил в снег и те и другие. Поднял. Одни очки сунул в карман. Туда же сунул пустой очечник. Вторые очки долго тёр мокрой варежкой (молодец). И вдруг направился к нам с очками в руках.

— Так, ты! — начал экскурсовод, раздувая ноздри. — Давай рассказывай, что натворил в музее, или сядешь в тюрьму.

Я опешил. Мне ни разу за всю мою жизнь не говорили, что я чего-то натворил. Может, что-то и было лет до двух, но с тех пор я веду себя как разумный человек.

— Я? Это я что-то натворил?

Экскурсовод сощурил глаза:

— Я всё знаю. Это ты залез в служебное помещение. Это ты запустил стабилизатор и устроил короткое замыкание. Знаю я таких... хулиганов.

Просто потрясающе. Меня — назвали хулиганом! Мама бы мною гордилась, наверное.

— Вы неверно интерпретировали факты... — начал я, но тут экскурсовод начал орать:

— Так! Ты! Ты сейчас же поедешь со мной в музей и покажешь, на какие кнопки ты нажимал!

— Я только выключил рубильник! Я ничего не нажимал! Я боялся, что этот ваш стабилизатор загорится, и вырубил его из сети!

— А кто нажимал? Только тебя из всего класса не было! И ещё какой-то девчонки. Не она же залезла в подсобку?!

— В вас говорят гендерные стереотипы, — раздался вдруг голос Журавской. — Можно подумать, только мальчишки интересуются техникой.

Оказывается, она всё время стояла у меня за спиной! И наслаждалась этой абсурдной ситуацией.

— На кнопки нажимала я. Я просто хотела выключить свет и устроить маленький пранк. Что тут такого особенного?

— Особенного? — заорал в ярости экскурсовод. Пара прохожих обернулась. И он продолжил орать

шёпотом: — Да из-за тебя, бестолковая ты девица, твоя эта, как её, Анна Петровна исчезла!

— Антонина Ивановна. Да она обязательно найдётся! — оптимистично сказала Журавская.

— Найдётся?! Да её уже сожрали, скорее всего! Живьём! Пара окаменевших костей от неё, может, и найдётся когда-нибудь, да!

— Что-о? — Тут уже я выпучил глаза. — Как это?

— Как сожрали?! — Журавская так обалдела, что с размаху села в сугроб.

— Лучше бы ты никогда не появлялась в музее, девочка, — в отчаянии сказал экскурсовод и сел в сугроб рядом с ней. Повисла нехорошая пауза. — Ладно! Поехали. Покажешь, какие кнопки нажимала.

— Только маме позвоню, — сказала Журавская. — И поедем.

— Я с вами, — сказал я.

А что мне оставалось делать?!